

Ложные ориентиры или архетип общественного сознания

В последнее время в политической да и научной лексике все чаще используются такие выражения как «величие», «могущество», «державность», «национальные интересы», «суверенная демократия», «выход на лидирующие позиции», «догнать и перегнать» и т. п. Это, конечно, можно объяснить отсутствием у правящей элиты конструктивных идей как создать «нормальные условия жизни в нормальной стране», либо присущей ей манией величия, стремлением разыграть карту «патриотического популизма»¹ Здесь, однако, возникает по крайней мере два вопроса. Во-первых, что первично? Либо навязываемая «сверху» политика, либо укorenившаяся в общественном сознании представление о должном? Во-вторых, могут ли амбициозные планы вывода страны на «передовые рубежи» стать точкой опоры для поступательного развития российского общества? Есть ли основания рассчитывать на их мобилизующую и консолидирующую роль в решении назревших задач? Думается, что поиск ответов на эти вопросы может облегчить обращение к историческому опыту. Особенно богатую пищу для размышлений дает анализ истоков кризиса советской политико-экономической системы и последовавшего за ним распада СССР.

В современной литературе имеются различные объяснения этих событий². Еще в 1920–1930-х гг. был сделан вывод, что экономика, основанная на государственной собственности и жесткой властной вертикали, централизовано управляющей распределением ресурсов неизбежно, превращается в «запланированный хаос». Эта точка зрения активно пропагандируется сегодня. Советская экономическая система объявляется нежизнеспособной «по своей природе»: вопрос всегда «стоял лишь о том, когда и как она рухнет». А если это не произошло гораздо раньше – то дело здесь в пособничестве западных политиков, интеллектуалов и капиталистов, допуская поставки Советскому Союзу современного высококачественного оборудования в обмен на традиционные российские товары, насильно изымаемые у производителей.

Другие аналитики во всем винят «перестройку». По их мнению именно она подорвала устои великой динамично развивающейся страны. «Зашоренная старыми догмами» и «засоренная лицемерами и предателями», эта политика закономерно увенчалась развалом советской экономики и распадом СССР. Свою роль сыграли и геополитические противники России, инициировавшие и активно поддерживавшие нарастание деструктивных процессов посредством внешнего давления и тайных операций.

Подобные утверждения основываются на ряде имевших место фактов. Однако от их констатации еще далеко до делающихся выводов. Трудно считать общественную систему жизнеспособной, если она создает условия для массового продвижения в высшие эшелоны своего руководства либо некомпетентных людей, либо сознательно ориентированных на ее развал и не обладает достаточным иммунитетом против враждебного воздействия. С другой стороны, также сомнителен тезис об изначальной нежизнеспособности советской экономической системы. Иначе трудно понять причины ее впечатляющих достижений и не менее впечатляющий финал. Картина будет неполной, если не дать ответа, почему былой оптимизм по поводу будущего обернулся тотальным разочарованием, а общественное сознание поразительно быстро признало необходимость радикальных перемен. Легкость, с которой даже видные деятели и ответственные функционеры коммунистической партии мгновенно превращались в ярых либералов, апологетов рыночной экономики, правового государства и западной демократии, подводит к мысли, что главная причина заключалась в рассогласовании системообразующих для российского общества установок с жизненными реалиями.

Конечно, разочарование в возможностях советского строя нарастало постепенно. Это хорошо прослеживается в длительной ретроспективе. Курс на достижение «передовых рубежей» в экономическом развитии традиционно рассматривался в качестве важнейшей задачи российской государственности. Большевистский режим в этом смысле, мало отличался от своих предшественников. Достаточно вспомнить стратегические установки «социалистической реконструкции», положившей начало т.н. «взлету» (по терминологии У. Росту) советской индустриальной системы. В своем известном выступлении в феврале 1931 г. И.В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»³ Иначе говоря, необходимость «большого скачка» в экономическом развитии обосновывалась интересами «отстаивания независимости нашей страны»⁴ Причем это не рассматривалось как самоцель. «Мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир», – утверждал Сталин. И эта установка по мнению А.Л. Янова ничуть не отличалась от аргументации Ивана Грозного, когда он в середине XVI в. обосновал необходимость Ливонской войны⁵

Провозглашенная стратегия последовательно проводилась в жизнь. Уже к концу 1950-х гг. Советский Союз в экономическом и военно-политическом отношении вышел на сопоставимые позиции с Соединенными Штатами Америки. Не случайно многие западные политики и аналитики прогнозировали тогда, что вскоре по уровню развития он опередит все страны. В массовом сознании такой результат заслуживал са-

мой высокой оценки. Мечты о могущественной державе становились реальностью. В глазах большинства это оправдывало жертвы, тяготы и невзгоды, сопряженные с политикой «догнать и перегнать».

Общественные настроения хорошо учитывались правящим режимом. С одной стороны, всячески культивировался и эксплуатировался энтузиазм, основывавшийся на стремлении «быть впереди планеты всей». С другой – малейшее отклонение от официально установленных стандартов поведения, сомнения в правильности избранного курса, не говоря уже о сопротивлении ему, жестко пресекались репрессивным аппаратом. Это была оборотная сторона медали т.н. русской модели социального управления. Но присущий ей «административный нажим» хорошо согласовывался с традиционными представлениями о власти: она лишь тогда чего-то стоит, когда способна добиваться безоговорочного послушания⁶. Давление «сверху» обеспечивало и работоспособность жестко централизованной экономической системы. Оно играло в ней ту же роль, что и конкуренция в рыночной⁷

Это, однако, не означало отсутствия проблем. В первую очередь они были связаны с организацией и мотивацией производства. Рост масштабов и усложнение его структуры при одновременном расширении номенклатуры продукции резко увеличивали число управленческих задач. В жестко централизованной системе ответственность за их решение возлагается на высшие эшелоны власти, ресурс которых по определению ограничен даже в плане контрольных функций. Поэтому им становилось все труднее адекватно реагировать на растущий вал проблем. Отсюда возникала сложная дилемма: либо ужесточить административное давление, пытаясь за счет «укрепления исполнительской дисциплины» разгрузить «верхи», либо пойти на определенную децентрализацию принятия решений, не допуская в то же время снижения управляемости социально-экономическими процессами. Одновременно нужно было как-то реагировать на накопившееся в обществе чувство усталости, вызванное многолетней политикой «чрезвычайщины».

Решение этих задач выпало на долю хрущевского руководства. С одной стороны, оно по-прежнему придерживалось стратегической установки: «догнать и перегнать» самые развитые страны в интересах упрочения позиций Советского Союза как мировой сверхдержавы. С другой – «торжественно провозглашалось», что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» с его изобилием материальных благ, доступных для каждого⁸. Однако, разнонаправленность целей нового «большого скачка» порождала трудноразрешимые противоречия, проявившиеся в жесткой конкурентной борьбе за ограниченные ресурсы. Из сложившейся ситуации был лишь один выход: ускорение научно-технического прогресса, повышение эффективности производства.

Но нежелание «поступиться принципами» блокировало поиск реальных путей решения проблемы. Все свелось к перманентной перестройке сложившейся системы управления экономикой, включая процессы планирования, организации, и контроля. Ситуацию усугублял «политический детерминизм» хрущевского руководства, которое в целях укрепления своих позиций сознательно пошло на ослабление действовавшей властной вертикали. Одновременно была ограничена роль санкций в мотивации экономической деятельности. Сопровождавшая все это неразбериха привела к разбалансировке даже тех механизмов, которые не исчерпали свои возможности. И широковещательные заявления о скором достижении «сияющих вершин» обернулись нарастанием кризисных явлений. Предпринятая в ходе т.н. косыгинской реформы попытка использовать элементы классического рынка не дала результатов. Она лишь способствовала росту автономии бюрократических структур и отдельных организаций, что они не преминули использовать в своих корыстных целях. В конечном счете, в массовом сознании произошла девальвация программных установок, а официально фиксируемые общегосударственные планы превратились в «протоколы о намерениях», став неотъемлемой частью экономики «согласований» и «бюрократического торга». Нормой стало стремление добиться максимальных выгод при минимизации усилий. А устранение «мелочной опеки» способствовало бесконтрольному поглощению ресурсов. Их разбазаривание – так называемая «бесхозяйственность», – тотальный дефицит захлестнули экономику. Страна стала «уверенно» проигрывать экономическую и научно-техническую гонку. В таких условиях задача «догнать и перегнать» мировых лидеров уже не воспринималась всерьез. Она утратила свою мобилизующую и консолидирующую функцию. Не случайно «строительство коммунизма» Хрущева было заменено на «совершенствование развитого социализма» Брежнева, что означало фактическую потерю перспективы.

Для советского общества и государства это создавало серьезные опасности, угрожающие самому их существованию. С приходом к власти Ю.В. Андропова подобная оценка ситуации стала доминировать в правящей элите. Зрело понимание необходимости нового курса, способного переломить негативные тенденции. Но его практическая реализация в основном выпала на долю «команды» М.С. Горбачева, провозгласившей политику «ускорения» социально-экономического развития⁹. С ее помощью рассчитывали встряхнуть общество, обозначить перспективу, которая как и когда-то могла бы сыграть вдохновляющую и объединяющую роль. В течение последующих 15 лет планировалось удвоить производственный потенциал страны, переведя его на «интенсивные рельсы развития». Одновременно делались широковещательные заявления о скором решении жилищной проблемы, насыщении потребительского рынка ка-

чественными промышленными и продовольственными товарами, создании разветвленной сферы услуг. Иначе говоря, строились планы очередного «большого скачка» в его хрущевской интерпретации.

Похожими были и средства при помощи которых намечалось добиться искомым целей: упование на общественную инициативу, особенно в выходе на «правильное соотношение административных и экономических методов хозяйствования» и перманентная перестройка структуры хозяйственного управления. Это привело к резкому сужению полномочий государственных органов. А в отсутствии реальных рыночных регуляторов утрата контроля «сверху» создала благоприятные условия для реализации узкогрупповых и частных интересов в ущерб общегосударственным. В результате, по справедливому замечанию П. Грегори, «экономика оказалась в состоянии свободного падения...»¹⁰ Теперь было уже не до «ускорения». Наоборот, обозначалась реальная угроза резкого спада производства. Но, с точки зрения устойчивости существующей политико-экономической системы, даже не это оказалось главным. Нарастание экономических трудностей стимулировало поиски путей снижения уровня военно-политического противостояния с Западом, требовавшего огромных ресурсов. Отсюда – «новое политическое мышление», пропаганда иллюзорных представлений об отсутствии у страны «естественных» геополитических оппонентов. На деле они обернулись стремительным снижением международного веса Советского Союза, активизацией дезинтеграционных процессов в «социалистическом содружестве» и внутри страны. Понятный и вдохновляющий идеал великой и сильной державы, которая может все и везде, вдруг оказался под угрозой. Это перечеркивало усилия многих поколений и «правлящей элиты», и «широких масс» по выводу страны на лидирующие позиции в мире. Такого российское общество позволить себе не могло. И действующая политико-экономическая система, как не справившаяся со своей сверхзадачей, утратила легитимность в глазах подавляющего большинства.

В классическом марксизме есть одно в общем-то справедливое утверждение: «Идея, овладевшая массами становится материальной силой». Особенно если эта «идея» зафиксирована на уровне архетипов общественного сознания. Сделанный вывод в общем-то подтверждает и постсоветская история. Как бы не оценивались ее этапы, очевидно, что процесс общественной деградации был остановлен с появлением уверенности в возможность возвращения России в круг великих, по экономическим и политическим меркам, стран. В этой связи возникает вопрос о перспективах. Сохраняются ли принципиальные особенности отечественной модели развития? Или они должны трансформироваться? Если да – то в каком направлении? Думается, что давая ответ нужно иметь в виду одно важное обстоятельство. Оно предельно четко зафиксировано И. Валлерстайном,

озаглавившим одно из своих программных выступлений следующим образом: «Социальные изменения? Изменения бесконечны. Ничего не меняется»¹¹ Действительно, кто будет возражать, что наша страна сегодня выглядит совсем иначе, чем двадцать, шестьдесят, а тем более сто лет назад. И все же во многих отношениях российское общество мало изменилось. Вполне узнаваемы особенности его культуры и национального характера населения. Похожим образом действуют механизмы социальной организации. Доминирующие позиции в системе социального управления занимает государство как наиболее активная и сильная общественная структура. Сохраняются геополитическая и геоэкономическая диспозиция страны в мировом раскладе сил. По прежнему задача «догнать» и «перегнать» наиболее «продвинутые» страны воспринимается как безусловный императив. Можно по разному относиться к этим особенностям российской модели развития. Однако их нельзя «отменить». По крайней мере, пересмотреть базовые, структурообразующие элементы национального сознания и социальной организации, не меняя своей идентичности, не удавалось еще никому в мире¹².

¹ Костиков В. Манька величия // Аргументы и факты. № 40. 3–9 окт. 2007. С. 8.

² См.: Артемов Е. Т. Истоки кризиса советской системы // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 102–108.

³ Сталин И. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Вопросы ленинизма. 11 изд. М., 1953. С. 362.

⁴ Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Собр. соч. Т. 11. 1928 – март 1929. М., 1949. С. 248–249.

⁵ Янов А. Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 456.

⁶ Пайнс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. С. 79.

⁷ Ellmah V., Kontorovich. The Destruction of Soviet Economic System. Armonk; N.Y.: Sharpe, 1998. P. 12–16.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1959–1965. М., 1972. С. 245–246.

⁹ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. 11 июня 1985 года. М., 1985.

¹⁰ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 309.

¹¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С. 162–183.

¹² См.: Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2002. С. 317–323.